

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРЕССИВНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В 1920-Е — 1930-Е ГГ.

Иерей Константин Олегович Коршунов

студент магистратуры
Московской духовной академии
141310, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
konstantinkorshunov91@mail.ru

Для цитирования: Коршунов К. О., иер. Реализация репрессивных мер в отношении священнослужителей на территории Чувашии в 1920-е – 1930-е гг. // Церковный историк. 2023. № 2 (12). С. 79–96. DOI: 10.31802/СН.2023.2.12.007

Аннотация

УДК 2-674.5

В данной статье рассматривается реализация репрессивной политики советской власти в 20–30 гг. прошлого века. События данного периода являются одними из самых трагичных в истории Церкви, и в наше время продолжается активное изучение архивных материалов событий тех трагичных лет. В статье изучены законодательные акты центральных и местных органов советской власти, направленные на ухудшение социального положения священнослужителей и приведены примеры по архивным данным. Большевикская власть использовала весь возможный спектр репрессивного давления на Православную Церковь: политические, экономические средства и даже физическое уничтожение, пыталась расколоть внутреннее единство Церкви путём создания и активной поддержки обновленческого движения. Учитывая этнокультурные особенности региона, законодательные акты, печатные агитационные материалы издавались на русском и чувашском языках. Гонения священнослужителей на территории Чувашии имели как общие черты, так и свои особенности; для нас, живущих в относительно спокойное время, актуальность представляет не только научный подход к событиям, но и изучение жизни

священнослужителей, живших в периоды государственного террора и сохранивших самое важное для каждого христианина — веру в Бога.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, гонения, священнослужители, антирелигиозная политика, новомученики, революция, Чувашская Республика, архивные материалы.

Implementation of repressive measures against the clergy in the territory of Chuvashia in the 1920s–1930s.

Priest Konstantin O. Korshunov

MA student

at the Moscow Theological Academy

141310, Sergiev Posad, Trinity-Sergiev Lavra, Academy

konstantinkorshunov91@mail.ru

For citation: Korshunov, Konstantin O., priest. «Implementation of repressive measures against the clergy in the territory of Chuvashia in the 1920s – 1930s». *Church Historian*, № 2 (12), 2023, pp. 79–96 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2023.2.12.007

Abstract. This article examines the implementation of the repressive policy of the Soviet government in the 20–30 years of the last century. The events of this period are among the most tragic in the history of the Church, and in our time the active study of archival materials of the events of those tragic years continues. The article examines the legislative acts of the central and local Soviet authorities aimed at worsening the social status of the clergy and provides examples from archival data. The Bolshevik government used all possible range of repressive pressure on the Orthodox Church: political, economic and even physical destruction, tried to split the internal unity of the Church by creating and actively supporting the Renovationist movement. Taking into account the ethnocultural peculiarities of the region, legislative acts, printed propaganda materials were published in Russian and Chuvash. The persecution of the clergy on the territory of Chuvashia had both common features and their own peculiarities. For us who live in a relatively quiet time, the relevance is not only a scientific approach to events, but also the study of the lives of the clergy who lived during periods of state terror and preserved the most important thing for every Christian — faith in God.

Keywords: Russian Orthodox Church, persecution, clergy, anti-religious policy, new Martyrs, revolution, Chuvash Republic, archival materials.

Русская Православная Церковь является одним из фундаментов российской государственности, в тяжелые для страны исторические периоды священнослужители и верующие не оставались в стороне, активно участвуя в социальной жизни государства. Однако проблемы в обществе накапливались постепенно и в 1917 г. вылились в революцию, после которой изменилось положение Русской Православной Церкви. Вопрос предпочтительного положения Церкви в конкретных историко-культурных реалиях является предметом полемики и в современное время.

Начиная с 1920-х г. священнослужители становились жертвами государственного террора, носившего разносторонний характер: физический — расстрелы, лишение свободы, заключение под стражу, выселение в другие регионы страны; экономический — необоснованное повышение налогов и внедрение новых обязательных платежей и сборов, ограничение в сельскохозяйственной и в любой социально-экономической деятельности; политический — полное отстранение от участия в выборах любого уровня, деятельности в социальных мероприятиях массового характера, невозможность устроиться на работу. Названные и другие виды репрессивных мер применялись не только к священнослужителям, но и к членам их семей, близким родственникам.

Факт существования Церкви в новом обществе считался невозможным, и выкорчевывалось из культуры и истории страны все, что говорило или напоминало о Ней. Получается, священнослужители и верующие противостояли атеистическому «социальному недугу», которым заразилось государство, но не к своей стране: «Подвиг новомучеников и исповедников свидетельствует об их противостоянии богоборчеству, а не государству как таковому. Опираясь на опыт своих святых, Церковь убеждена, что в годы гонений верующие подвергались репрессиям, прежде всего за исповедание веры, верность Господу Иисусу Христу и Его Церкви, а также каноническому строю Православия»¹. Общественный уклад страны, формировавшийся столетиями, стал насильственно разрушаться, вследствие всего этого деформировалось народное сознание, произошел упадок в культурной и духовной сферах.

Террор со стороны советской власти коснулся не одной сотни священнослужителей в Чувашии, еще большего количества мирян, эта трагедия была общероссийской, поэтому о ней нельзя забывать, важно

1 О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших. Документы. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907> (дата обращения 19.09.2022).

помнить всех, кто был репрессирован невинно. Об этом говорится в документе «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших»², принятом 4 февраля 2011 г. Архиерейским собором Русской Православной Церкви. Рассмотрение гонений священнослужителей сквозь призму истории, одного из трагичных событий, помогает не только осмыслить исторические проблемы нашей страны, но и предотвратить появление подобных трагедий. Для этого необходимо выстраивание объективной картины событий кризисного времени в отношениях государства и Церкви, что требует применения распространенных научных подходов исторического характера при изучении.

При написании статьи использовались различные методы, основанные на общепринятых принципах научной объективности и историзма. Для осуществления задач исследования были применены методы исторического исследования: историко-системный, историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный. Для рассмотрения жизни и деятельности православных священнослужителей применялся метод биографического исследования.

Политика советской власти, осуществляемая по отношению к духовенству, во многом определяла его экономическое положение. В изучаемый временной промежуток большевистская власть использовала разные средства устрашения в отношении священнослужителей, эти меры показывают главную часть политики советской власти по выдавливанию духовенства посредством ухудшения его материального благосостояния и общественных прав. Постановления советской власти ставили цель ухудшить финансовое положение священнослужителей. В официальных постановлениях «О земле», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» шла речь о секуляризации земель, принадлежавших Церкви, её имущество объявлялось всенародным.

Очень популярной разновидностью экономических репрессий советской власти по отношению к священнослужителям являлось налогообложение. Для священнослужителей неукоснительным требованием являлись следующие виды обязательных платежей — налогов и сборов: уравнительный сбор, гражданский налог, военный налог, прогрессивный налог, местный сбор, денежный душевой сбор, единовременный налог, основной или классовый налог и единый сельскохозяйственный налог. Сумма ежегодного основного (классового)

2 Там же. С. 2.

подоходно-поимущественного денежного налога составляла 14 рублей 40 копеек. Вдобавок к ним собирался уравнительный сбор, величина которого устанавливалась местными советами и зависела от материального положения плательщика, от 10 рублей и более³.

Позволительно сделать вывод, что финансовые условия жизни священнослужителей нередко в полной мере зависели от местных органов власти, которые по своему усмотрению назначали величины прибыльности хозяйства священнослужителя и в зависимости от этого начисляли налоги. Например, сильное увеличение самооблагаемого налога в 1932 г. было применено к священнослужителям в селах Ямской Покосад и Кладбищи. В Алатыре комиссия ВЦИК потребовала от налоговой комиссии рассмотрения дела и удовлетворила прошения священнослужителей, самообложение было перерасчитано и переплата зачтена в уплату культжилсбора и подоходного налога⁴. В 1934 г. была поднята проблема о самовольном повышении налогов для священнослужителей Троицкого из с. Малое Чурашево, с. Чурашево Чебоксарского района Павлова, с. Батырево Зыкова А. Ф, с. Большие Арабузи Николаева, итогом стали выговоры председателям местных районных финансовых отделов по причине «безответственного отношения к своим прямым обязанностям»⁵. С недавно назначенных на приход священников сбор налогов проходил немедленно, в денежной или иной форме. Например, после назначения на приход священника М. Семенова в храм с. Сугуты, из СИКа пришло требование об уплате 800 рублей в качестве налога, а также 200 кг. мяса для разрешения совершать службы⁶. В 1930 г. в республике, как и в целом по стране, активно шло строительство дорог, непосредственное трудовое участие в этом принимали священнослужители. К примеру, священник М. П. Суллин из с. Алманчино Цивильского района, был «назначен отработать дорожному строительству за счет трудового участия на тракте земляных работ 18 куб. м. и посадки деревьев в количестве 19 шт.»⁷.

Особенно тяжелая жизненная ситуация с финансами сложилась для священнослужителей после окончания политики НЭПа; причина заключается в усилении антицерковной политики и усилении давления

3 Положения о сельскохозяйственном налоге на 1934 год: постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1934 г. // Собр. законодательства. 1934 г. № 30, ст. 231 б.

4 ГИА ЧР. Ф. 711. Оп. 1.1. Д. 41. Л. 32.

5 ГИА ЧР. Ф. 611. Оп. 1. Д. 147. Л. 103.

6 Там же. Л. 104.

7 ГИА ЧР. Ф. 76. Описание 1. Д. 326. Л. 9.

на священнослужителей. Согласно решению ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., религиозные общества не должны были заниматься иной деятельностью, кроме исполнения религиозных потребностей граждан. Пункты постановления были направлены на воспрепятствование социальной деятельности Православной Церкви. Накладывался строгий запрет на общественную помощь жителям страны, осуществление мероприятий обучающего и воспитательного характера, оказание социальной поддержки нуждающимся слоям населения. Строго фиксировались география территорий, где разрешалось совершать богослужения, священнослужителям просто-напросто давалось право только совершать Таинства и Обряды, богослужения в храме, все остальные его функции становились полной монополией государственных служб.

Стоит отметить, что суммы налоговых сборов не уменьшились, несмотря на ухудшение материального положения духовенства. Вместе с тем большевистская власть осуществляла рост налоговых сборов со священнослужителей. В продолжение 1920–1930-х гг. непрерывно осуществлялся контроль суммы налоговых сборов.

Финансовая политика государства стала новым инструментом для борьбы со священнослужителями. В директиве НКФ, направленной в НКВД Чувашии в 1928 г., говорилось о том, что способом помощи «деревенской общественности» является бойкотирование прошения церковного совета о получении ими разрешения для собирания средств, для строительства храма, однако это не выражалось напрямую, «чтобы отказ не был грубо неосторожным — оформление такового произвести под причиной необходимости выполнения в первую очередь государственных задач, в данном случае — сбор по самообложению и сельскохозяйственному налогу»⁸.

Можно заключить, что с окончанием новой экономической политики в конце 1920 — начале 1930-х гг. для священнослужителей сложилась тяжелейшая экономическая ситуация, вызванная политикой советской власти. В 1930-х годах кампанией закрытия культовых учреждений был нанесен очередной удар положению духовенства. С закрытием церкви священнослужитель, лишившийся прихода — единственный источник пожертвований, понуждался к приостановке служения в священном сане, к тому же, не ожидалось намерений власти к уменьшению налоговых сборов со священнослужителей, не переставали действовать определенные запреты в общественной жизни.

Несвоевременная уплата одного из налогов приводила, как правило, к расторжению договора с церковью и её закрытию. По этой причине неуплаты налогов в 1932 г. были закрыты храмы в следующих селах: в Большом Сундыре и Шемердянах Ядринского района, в Байбатырево и Кушелге Малояльчикского района, в 1935 г. в Юманлых Аликовского района, в 1937 г. в Юманаях Шумерлинского района и т. д.⁹ В результате «систематического невыполнения религиозной общиной договора по ремонту здания церкви» в 1930 г. закрыты церкви в районном центре с. Аликово одноименного района и с. Байдеряково Малояльчикского района. Из-за отказа от проведения ремонтных работ в 1933 г. закрыли Покровскую церковь в столице республики, Канашском районе, церковь в с. Шоркасы, также молитвенные здания, в 1935 г. приход с. Янтиково, в Аликовском районе в с. Устье, в 1937 г. в Козловском районе в селе Тоганашево, в 1938 г. в Алатырском районе с. Ямской Посад. Необходимо заметить, что частыми были случаи завышения смет на ремонт молитвенных зданий, одновременно с этим сельсоветы не позволяли проводить ремонтные работы в храмах и не позволяли продлевать сроки проведения ремонта.

Большое количество приходов прекращали богослужебную деятельность по причине распада приходовских собраний или невозможности прихожан содержать церковь. По этой причине в Вурнарском районе закрылась церковь с. Орауши, в 1931 г. в с. Большой Сундырь Татаркасинского района, в с. Арабоси Урмарского района, в Абашево и Хыркасы Чебоксарского района. В 1932 г. в с. Ильинка Татаркасинского района, в с. Большое Яушево Вурнарского района, в с. Тюрлема Козловского района, в 1934 г. в с. Чувашская Сорма, Яндоба и Б. Штанаша Аликовского района, в 1935 г. в с. Тарханы Краснотайского района и др.¹⁰ В 1938 г. по прошению приходского совета, не обладавшего достаточными финансовыми возможностями для содержания храма, был прекращен договор с прихожанами Никольской церкви с. Алатырь. Ближе к предвоенному времени в большинстве случаев закрытие храмов происходило по «ходатайству» граждан. Таким образом, прекратила работу церковь Воздвижения Креста Господня в Чебоксарах.

Из субъектов обязательного страхования в соответствии с решением от 3 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР страховые платежи насчитывались

9 Козлов Ф. Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 – начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии: дис. канд. ист. наук. Чебоксары: 2009. С. 124.

10 ГИА ЧР. Ф. 202 Оп. 1. Д. 113. Л. 97.

с общественных предприятий, кооперативов, сельских хозяйств, акционерных обществ, общественно-культурных учреждений.

Вопреки безуспешным попыткам последователей обновленческого движения посредством «модернизации», компромиссного соглашения с властью оставить в покое религию, большевистская верхушка власти различными способами реализовывала свои идеи, аппарат всеми методами и способами неуклонно проводил свою внутреннюю дипломатию, целью которой ставилось полное уничтожение религии. В числе инструментов борьбы с Церковью, направленных на разрушение финансовой опоры священнослужителей, её устранение, была стартовавшая кампания по экспроприации церковных ценностей согласно постановлению «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании группы верующих», изданному ВЦИК 23 февраля 1922 г.

После случившихся трагических событий 15 марта 1922 г. в г. Шуге, когда произошел конфликт верующих с представителями советской власти по причине насильственного изъятия церковного имущества, в соответствии с письмом В. И. Ленина на очередном заседании Политбюро ЦК РКП (б), состоявшемся 20 марта 1922 г., большевистская верхушка власти одобрила положение об изъятии церковных ценностей, составленное по программе Л. Д. Троцкого. Согласно данному постановлению, вместе с существующими подразделениями на местах, деятельность которых во многом была лишь бюрократической формальностью, учреждались совершенно новые: Центральная комиссия во главе с М. И. Калининим и местные территориальные комиссии по экспроприации церковных ценностей. Реализация политики насильственного изъятия церковных ценностей осуществлялась не в виде борьбы с Православной Церковью, но оправдывалась, по предложению Политбюро, оказанием помощи голодающим в Поволжье.

Весной 1922 г. во всех субъектах страны моментально в паре с постановлением «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» ВЦИК от 23 февраля 1922 г., была получена методичка ВЦИК и Народного комиссариата юстиции РСФСР, подписанная председателем ВЦИК и Центральной комиссии помощи голодающим М. Калининим и наркомом юстиции Д. Курским, по применению названного декрета ВЦИК. Текст документа объяснял особенности насильственного изъятия церковных ценностей, подготовку и налаживание работы комиссии при осуществлении поставленных задач. На различных уровнях советской власти объявлялось о создании специальной комиссии по изъятию церковных ценностей в составе

представителей совета: краевого областного, уездного, волостного, финансового органа и уполномоченного ЦК; Советам и комиссиям давалось особое распоряжение, прежде всего, забирать и использовать особенно целесообразные для их необходимости приходы, сооружения и другие приходские строения, однако оговаривалось наличие письменной договоренности.

Каждый регион получал конкретную сумму, на которую необходимо собрать церковные ценности. Важное значение имело изъятие колоколов, так как быстро развивающаяся советская промышленность крайне нуждалась в бронзе. Изъятию предшествовал запрет на колокольный звон, в определении Президиума ЦИК 1929 г. было отмечено о колокольном звоне, что он «резким образом противоречит принципу отделения Церкви от государства, ибо нарушает бытовые условия и права широких безрелигиозных трудящихся масс, особенно города, мешает труду и использованию трудящимся населением его отдыха»¹¹. Колокольный звон разрешался только в праздничные дни. В некоторых районах Чувашии хотели запретить полностью колокольный звон. Однако подавляющее большинство населения было против запрета несмотря на то, что сформированная при Президиуме ЦИК Чувашии комиссия по вопросам культов издала пояснение, что «колокольный звон составляет неотъемлемую часть при совершении верующими религиозных обрядов» и запрещение на местах звонить в колокола незаконно. Но уже в середине 1930-х г. без какого-либо официального решения колокольный звон запрещался полностью. К примеру, в Красночетайском районе, в с. Штанаша запрет исходил от начальника избы-читальни¹².

Рассмотрение экономического положения священнослужителей в изучаемый период позволяет говорить о том, что комплекс антицерковных законодательных мер привел к ухудшению экономического положения духовенства и верующих. Неуплата налогов, которые заведомо были завышены, приводила к арестам и наказаниям.

Одновременно с применением репрессивных мер экономического характера, к священнослужителям применялось и лишение избирательных прав — одна из разновидностей политических репрессий, применявшихся, начиная с 1918 до 1936 гг. к некоторым категориям населения страны. В целях достижения действенного результата местные органы власти практиковали одновременное применение

11 *Востриков В. Г.* От запрета колокольных звонов к разрушению храмов // Христианское просвещение и русская культура : материалы VI науч.-богосл. конф., 2004. С. 137–141.

12 *Данилов И. Я.* Красночетайский край: Исторические очерки. Чебоксары: 1997. С. 73.

нескольких репрессивных мер, наряду с лишением избирательных прав. Введение обязательных взносов, трудности с устройством в колхозы и на работу, в школу — все эти проблемы ложились тяжелым бременем на близких родственников священнослужителей. Перепрограммирование сознания общества преследовало конкретные цели, эти цели были безжалостными: в черный список новой власти попадали люди различного социального происхождения. Не прощалось нетрудовое прошлое, даже крестьянская родословная не спасала от социального давления.

10 июля 1918 г. была принята первая конституция новой власти, согласно ее положениям, определялись отдельные категории граждан, полностью лишавшиеся права голоса. В соответствии с 65-й статьей некоторые граждане страны теряли всяческое право участия в выборах, сюда входили, согласно пункту «г», священнослужители и монахи¹³.

В Чувашской Республике уголовные дела на православных священнослужителей начали составляться с 1918 г., состав преступления звучал однообразно: «контрреволюционные выступления», «неподчинение декретам народного комиссара», отказ от исполнения законов большевистской власти, «открытые высказывания в разговорах с людьми о негативных последствиях отделения Церкви от государства и настраивание верующих против партии большевиков». Часто при конфискации церковного имущества в обвинительных приговорах писали об утаивании некоторых ценностей. В этот период не было «жестких» приговоров, из шести уголовных случаев единственное дело было остановлено «за невыяснением причин» обвинительной стороны, в остальных случаях священнослужители были оправданы из-за недостаточной доказанности, в одном случае были изъяты якобы сокрытые ценности, и по одному делу вынесен смертельный приговор¹⁴.

Случаи заведения уголовных дел на священнослужителей не были массовыми, однако лишение политических прав как метод репрессий применялся повсеместно. В пределах Чувашской Республики по конституции 1918 г. политических прав лишились около тысячи человек¹⁵ и насельники всех монастырей.

13 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 1. 1898–1917. М. 1983. С. 219.

14 ГИА ЧР. Ф. 784. Опись 1. Д. 119. Л. 91.

15 *Ефимов Л. А.* Чувашская республика. Книга памяти жертв политических репрессий : в 2 т. Т. 1. / под редакцией Р. М. Лизакова, пред. и др. Чебоксары. 2009. С. 7.

В приходской жизни дореволюционного времени частой была ситуация, когда старостой храма являлись зажиточные люди, они же и являлись ктиторами и благотворителями духовных училищ и семинарий и приютских учреждений. Немногие из них остались в живых после репрессий, большинство были расстреляны и лишились имущества. Например, столичные купцы Ефремовы и Кушевы, потомственные почетные граждане г. Алатыря Поповы. В 1918 г. национализации подверглось все имущество Ефремовых¹⁶, являвшихся на протяжении более полувека старостами храма Благовещения Пресвятой Богородицы в г. Чебоксары. Кушевы спонсировали социальные учреждения столицы, являлись ктиторами монастырей на Афоне и в Иерусалиме, их имущество было национализировано в 1919 г. В Алатыре почти 25 старостами храма в честь Казанской иконы Божией Матери являлись Поповы¹⁷.

В новой социальной реальности немалое количество «бывших» предпринимали попытки утаить свое социально-классовое родословие. Распространенным явлением было изменение вида профессиональной деятельности или устройство на другую работу. Еще одной возможностью смены сословно-общественной принадлежности для детей и подростков из «нетрудовых» сословий, являлось усыновление их родственниками или хорошими знакомыми, принадлежащими к выходцам из трудовых сословий. Обычно была практика, когда детей священнослужителей забирали к себе родственники — сельские учителя, в таком случае дети получали возможность закончить школу. Намеренная трансформация сословного происхождения нередко становилось предметом острых споров в семьях, в которых стояло решение подобного вопроса. Бывали разные случаи: некоторые выходцы из «нетрудовых» сословий меняли общественное положение, другие не шли на подобные шаги. Раскрытие утаенного, искаженно представленного сословного родословия являлось общераспространенной практикой в первые десятилетия советской власти и было поводом для серьезных разбирательств.

Ограничение в правах священнослужителей оговаривалось в конституции РСФСР от 1925 г. в ст. 69, в конституции Чувашской Республики 1927 г. ст. 120¹⁸. Согласно этим статьям расширялся круг «лишенцев».

16 Терентьев А. И. Чебоксары и чебоксарцы. — Чебоксары: монография. — Чебоксары, 1992. С. 62.

17 Шишкин В. Об Алатыре и алатырцах. Чебоксары. С. 83.

18 Конституция ЧАССР. Рассмотрена и утверждена I Учредительным съездом Советов Чувашской АССР 31 января 1926 г. // Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии: сборник документов. Чебоксары, 1957. С. 210.

Кроме священников, к «лишенцам» относились близкие родственники, старосты церквей и ктиторы, участники приходских советов, помогавшие в строительных и ремонтных работах, и все работники¹⁹.

В 1930 г. появилось решение ЦИК и СНК ССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в соответствии с данным постановлением исполнительным органам власти союзных республик предлагалось «немедленно поручить органам, производящим регистрацию религиозных объединений, пересмотреть состав руководящих органов этих объединений в целях исключения из них кулаков, лишенцев и иных враждебных советской власти лиц. Не допускать в будущем попадания в эти органы лиц, систематически отказывая в регистрации ими религиозных объединений при наличии упомянутых выше условий»²⁰.

Третья по счету Конституция СССР, в которой, по ст. 135, право голоса предоставлялось всем гражданам страны, официально начала действовать 5 декабря 1936 г. Однако принятие новой, казалось бы «более гуманной» Конституции, не привело к социальным изменениям, запрет на право участия в выборах страны не являлся причиной для приостановления гонений, вероятнее обратное, в период 1936–1937 гг. стартовала следующая фаза гонений в отношении «классовых врагов», к ним относили и всех священнослужителей.

Репрессии священнослужителей, расстрелы, грабежи церквей начались в 1917 г. с установления большевистской власти в стране. Священнослужители являлись идеологическими врагами для большевиков, препятствием для установления их диктатуры.

В декабре 1917 г. при СНК учреждается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, получившая название ВЧК; созданная комиссия обладала широкими полномочиями в совершении суда и следствия и вынесении и приведении в действие любого приговора. Управление ВЧК осуществлялось непосредственно верхушкой большевистской партии. Согласно постановлению СНК «О красном терроре», изданном 5 сентября 1918 г., высшей мере наказания подлежали все лица, «прикосновенные к белогвардейским

19 Одиннадцатый съезд РКП (б). Резолюция съезда: Об укреплении в новых задачах партии. Т. 2// КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т./ под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. С. 500.

20 Там же. С. 402.

организациям, заговорам и мятежам»²¹. Враждебность советского правительства по отношению к Русской Православной Церкви отчетливо проглядывалась уже в первых нормативно-правовых актах новой власти: «беспощадная борьба с православным духовенством, насколько оно открыто выступает против Советской власти или участвует в тайных заговорах»²².

В соответствии с официальными данными ВЧК в 1918 г. в пределах государства было расстреляно 627 священнослужителей, в 1919 г. — убито 19 и 69 стали узниками тюрем. Согласно подсчетам Православного Свято-Тихоновского Богословского института, количество расстрелянных священнослужителей в 1918 г. — 3 тысячи, в 1919 г. примерно 1 тысяча²³, что заметно больше, чем указано в официальной информации ВЧК. Причина существенного снижения количества расстрелянных и убиенных первых двух лет установления советской власти в стране заключается в ходе боевых действий Гражданской войны. Священнослужители и верующие люди в подавляющем большинстве случаев поддерживали белогвардейские армии. В пределах Чувашской Республики в указанный период неизвестно прецедентов тотального убийства священнослужителей, официально «удалось установить личности 6 представителей духовенства, погибших в результате насильственных действий красноармейцев»²⁴.

Установление большевистской власти в стране привело к тому, что репрессии приобрели в государстве статус законности, появились постановления, ордера, свидетельские показания и протоколы допроса обвиняемых следователями ревтрибуналов, обвинительные заключения и приговоры. Как и в целом по стране, начиная с 1918 г., начались судебные процессы по священнослужителям. Обыкновенно причина задержания сводилась к следующим обвинениям: «контрреволюционные выступления», «неподчинение декретам народного комиссара», «непризнание декретов советской власти, ведение агитации против отделения церкви от государства и натравливания прихожан против партии большевиков», в период массовой конфискации монастырского имущества выдвигались обвинения в «сокрытии вещей»²⁵.

21 Восьмой съезд РКП (б). I. В. И. Ленин. Речь при открытии съезда. 18 марта. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 462.

22 *Цыпин В., протоиерей.* Русская Церковь 1917–1925. М., 2010. С. 149.

23 Емельянов Н. Е., Хайлова О. И. Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е годы) ... С. 111–128.

24 *Козлов Ф. Н.* Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви ... С. 97.

25 *Николин А. А.* Церковь и государство (история правовых отношений) М., 1991. С. 174.

Отличительной чертой государственного террора первых лет установления большевистской власти в стране по отношению к Православной Церкви на территории Чувашии можно назвать отсутствие тяжких видов наказания в судебных решениях: в соответствии с архивной информацией, следственные комиссии расследовали 6 уголовных дел касательно православных священнослужителей, одно из них «за выяснением причин» обвинений было приостановлено, в трех случаях по причине недоказанности обвинений был вынесен оправдательный приговор, по одному делу были конфискованы «сокрытые вещи», и по одному делу обвиняемый был приговорен к высшей мере наказания²⁶.

В период нэпа репрессивные меры ослабились, самой распространенной мерой наказания являлась высылка. Советская власть меняла методы борьбы, главным методом борьбы представлялся внутренний раскол Православной Церкви, децентрализация управления с помощью создания движений обновленцев и автокефалистов.

Последние годы второго десятилетия прошлого века характеризуются развитием нового давления на Церковь, причина новой волны гонений заключается в начале реализации промышленной индустриализации, как новой цели в развитии страны, создании колхозов, усилении в городах и деревнях классового противоречия.

Согласно постановлению президиум ЦИК СССР, подтвердившего решение ЦИК и СНК Союза ССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» 11 февраля 1930 г., исполнительные власти в союзных республиках получили рекомендацию от центральной власти принять документ для исполнения, нововведение заключалось в том, что теперь при регистрации из состава приходских советов устранялись неугодные советской власти граждане, сюда входили «лишенцы», кулаки и все, кто считался врагом нового строя.

Реализация большевистской властью репрессивных мер зачастую приводила к противодействиям со стороны верующих, нередко доходило и до столкновений с применением оружия. Например, в Красночетайском районе, в с. Баймашкино около 200 сельских жителей препятствовали задержанию местного священнослужителя²⁷.

Оправдывая слова И. В. Сталина об обострении классовой борьбы по мере развития социализма, советская власть расширяла масштабы

26 *Ключников Иосиф, иеродиакон.* Синодик Чебоксарско-Чувашской Епархии. Иллюстрированный сборник статей о пострадавших за православную веру в годы советской власти в Чувашии. Чебоксары: 2012. С. 274.

27 ГИА ЧР Ф. 784 Оп. 2. Д. 183. Л. 52.

репрессий. Классовая борьба еще более усилилась после выступления Сталина на заседании ЦК ВКП (б), проходившем в феврале — марте 1937 г. 30 июня 1937 г. Нарком внутренних дел Н. И. Ежов издает оперативный приказ № 00447, в котором оговариваются последовательность, временные рамки и масштабы репрессий. В числе тех, кто подлежал репрессиям, значились «сектантские активисты, церковники». Вопреки существовавшим в стране законам, репрессии проходили, не считаясь с правами человека, гарантированными конституцией. В Чувашии, как и на территории всей страны, был создан внесудебный орган «тройка» НКВД, в составе: первый секретарь ОК ВКП (б) С. П. Петров, нарком НКВД А. М. Розанов, прокурор республики И. С. Элифанов²⁸. Согласно исследованным архивным данным, лишь в 1937 г. в пределах Чувашской Республики 53 священнослужителя стали жертвами государственного террора.

Неоспорим тот факт, что репрессии в отношении священнослужителей и верующих являлись массовым явлением на всей территории СССР, в этом исследователи едины. Однако проблема заключается в точном количестве репрессированных, так как сохранившиеся архивные данные не говорят обо всех случаях репрессий. До сих пор архивные фонды изучаются и систематизируются, согласно официальным данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, составленным А. Яковлевым, в годы большевистской власти были уничтожены 200 тысяч священнослужителей, еще полмиллиона подверглись репрессиям²⁹.

В пределах Чувашской Республики также нет точных цифр репрессированных священнослужителей и мирян. Согласно данным Комиссии Чебоксарско-Чувашской епархии по канонизации святых, число репрессированных составляет 600 человек³⁰, куда входят священнослужители и остальные церковные клирики, а также старосты, кассиры, певчие, чтецы, пономари.

Невозможно определить точное число репрессированных, исследования продолжаются и в наше время. Уничтожение священнослужителей большевистской властью не замедлило себя ждать после захвата ими власти в стране. Будущее государство планировалось построить без их участия. В исследуемый период репрессии не носили постоянный

28 *Ефимов Л. А.* Политические репрессии 1920–1930-х гг. в Чувашии: основные этапы и масштабы // Вестник ЧГПУ им. И. Яковлева, 2006. №3. С. 124–132.

29 Там же. С. 129.

30 *Иосиф (Ключников), иеродиак.* Синодик Чебоксарско-Чувашской Епархии. С. 16.

характер. Во многом они зависели от внутренней политики государства и от международного положения советского государства. В зависимости от ситуации менялись и репрессивные методы; если в первые годы советской власти расстрелы совершались без официального судопроизводства, без суда и следствия, то постепенно, с развитием государственного аппарата и становлением законодательной базы, обвинения подводятся под статьи. Безбожной атеистической власти также приходилось учитывать настроения крестьян. Большая часть населения страны проживала в сельской местности, и обыденный быт священнослужителей ничем не отличался от крестьянского, поэтому все трудности, выпавшие на долю крестьян в революционное время, в годы становления советской власти, были частью жизни священников. Поэтому были частыми случаи, когда сельские жители противились аресту священнослужителей, не позволяли карательным органам забирать их. В целях компрометации Церкви и священнослужителей в глазах народа, потери народного авторитета, принимаются активные меры по дискредитации православной веры и священнослужителей, то есть издаются антицерковные журналы и газеты, проводятся беседы на атеистические темы с населением.

В подавляющем большинстве случаев при проявлении народного недовольства советская власть подозревала, что в этом играют не последнюю роль священнослужители и верующие миряне, что являлось очередным поводом для принятия новых репрессивных мер.

Изучение правового и экономического положения священнослужителей показывает, что они являлись одной из бесправных категорий населения. В отличие от дореволюционного положения, когда священство являлось отдельным классом с определенными привилегиями, в новом бесклассовом обществе его социальное положение ухудшилось. Правовое бесправие закреплялось различными законодательными актами и постановлениями, среди которых были: отсутствие права участия в выборах, возможность занимать определенные должности, запрет заниматься некоторыми видами профессиональной деятельности — все эти изменения в социальном положении касались не только священнослужителей, но и членов их семей. Даже их жизнь находилась под угрозой, в любое время могли заключить под стражу, в тюрьмах и лагерях находилось больше священнослужителей, чем на свободе.

Гонения большевиков на Православную Церковь продолжались весь период советской власти с различной интенсивностью, на которую влияли многие причины: внутривнутриполитические, экономические,

социальные, международные взаимоотношения. Начавшаяся Великая Отечественная Война значительно снизила активность и масштаб сталинских гонений, для подъема национального самосознания граждан страны в борьбе с фашистскими захватчиками был необходим голос Русской Православной Церкви, поэтому репрессии прекратились. Положение Церкви изменилось в 1943 г., когда был избран патриарх Сергий (Страгородский), были выпущены на свободу многие священнослужители и открывались храмы.

В послевоенное время гонения на Церковь не сопровождалась большим количеством жертв, однако, враждебное отношение со стороны советской власти проявлялось по-прежнему. Для составления более объективной исторической картины положения Православной Церкви в довоенный период представляется важным изучение гонений в военное и послевоенное время на территории Чувашии. Актуальность исследования послевоенного положения обосновывается еще и тем, что в 1946 г. появилась самостоятельная Чебоксарская епархия, включившая приходы на территории Чувашии, которых к 1951 г. насчитывалось 41, а в следующем десятилетии осталось лишь 6.

Высокий интерес для изучения представляют не только репрессии, как способ борьбы государства с Православной Церковью, но и жизнь иерархов, всех священнослужителей и верующих, которые, несмотря на все трудности, исполняли служение Богу и людям, оставались христианами.

Библиография

- ГИА ЧР. Ф. 202. (Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской автономной области). Оп. 1. Д. 113.
- ГИА ЧР. Ф. 203. (Совет Народных Комиссаров Чувашской АССР). Оп. 14. Д. 17.
- ГИА ЧР. Ф. 611. (Исполнительный комитет Батыревского (Ибресинского) уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 18.
- ГИА ЧР. Ф. 711. (Алатырский уездный совет народного хозяйства). Оп. 1.1. Д. 41.
- ГИА ЧР. Ф. 76. (Цивильский уездный совет народного хозяйства). Оп. 1. Д. 326.
- ГИА ЧР. Ф. 784. (Народный комиссариат внутренних дел Чувашской АССР). Оп. 1. Д. 119. Описание 2. Д. 183.
- Востриков В. Г.* От запрета колокольных звонов к разрушению храмов // Христианское просвещение и русская культура: материалы VI науч.-богосл. конф. Йошкар-Ола, 2004. С. 137–141.
- Данилов И. Я.* Красночетайский край: Исторические очерки. Чебоксары: 1997.

- Емельянов Н. Е., Хайлова О. И.* Гонения на Русскую Православную Церковь (1917–1950-е годы) // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 111–128.
- Ефимов Л. А.* Политические репрессии 1920–1930-х гг. в Чувашии: основные этапы и масштабы // Вестник ЧГПУ им. И. Яковлева, 2006. № 3. С. 124–132.
- Ключников Иосиф, иеродиакон.* Синодик Чебоксарско-Чувашской Епархии. Иллюстрированный сборник статей о пострадавших за православную веру в годы советской власти в Чувашии. Чебоксары. 2012.
- Козлов Ф. Н.* Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 — начале 1940-х гг.: по материалам Чувашии: дис. канд. ист. наук. Чебоксары: 2009.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 1. 1898–1917. М. : Госполитиздат, 1983.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 15 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 2. 1917–1922. М. : Госполитиздат, 1983.
- Николин А. А.* Церковь и государство (история правовых отношений) М., 1991.
- О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно отгоборцов в годы гонений пострадавших [Электронный ресурс]. Документы. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400907> (дата обращения 19.09.2022).
- Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии: сборник документов. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1957.
- Положения о сельскохозяйственном налоге на 1934 год: постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1934 г. // Собр. законодательства. 1934 г. № 30, ст. 2316.
- Терентьев А. И.* Чебоксары и чебоксарцы. Чебоксары. 1992.
- Цыпин В., протоиерей.* Русская Церковь 1917–1925. М. : Изд. Сретенского монастыря, 2010.
- Чувашская республика. Книга памяти жертв политических репрессий: в 2 т. Т. 1. / под редакцией Р. М. Лизакова, пред. и др. Чебоксары: Чувашское кн. Изд., 2009.
- Шишкин В.* Об Алатыре и алатырцах. Чебоксары. 1997.